18+

Жанна Локтева

Первые раскаты грома

Когда грянет гром

Жанна Локтева

Первые раскаты грома. Когда грянет гром

«Издательские решения»

Локтева Ж.

Первые раскаты грома. Когда грянет гром / Ж. Локтева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696589-8

Продолжение книги «Когда грянет гром».История Стаси Лейхтенбергской.Первая Мировая война. Жених Стаси, Николай Чернышёв, уходит на фронт, но жизнь в Петрограде течёт своим чередом.В стране все сильнее проявляются революционные настроения, не только среди рабочих, но и в Государственной Думе.

ISBN 978-5-00-696589-8

© Локтева Ж.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1 6
8 15
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Первые раскаты грома
Когда грянет гром

Жанна Локтева

© Жанна Локтева, 2026

ISBN 978-5-0069-6589-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Продолжение книги «Пока не грянул гром».

Часть 1

Стаси.

1.

Стаси терзали противоречивые чувства, с одной стороны радость от встречи с Николаем, который с великой княгиней Елизаветой Фёдоровной поселился в Царском Селе, и боль, поселившаяся в теле после убийства Петра Аркадьевича Столыпина. Она каждый день писала Олёчек, пытаясь разделить со своей подругой боль потери, хотя страдания Олёчек несоизмеримы с душевной болью Стаси.

«Как же они будут жить без него?» – вопрошала Стаси, стоя на коленях в домашней церкви, – «Как же мы все будем жить без него?»

В её голове всё ещё звучал горестный вскрик Николеньки: «Всё, пропала Россия!», и она никак не могла забыть его голос, его искажённое болью лицо и большие испуганные глаза.

На смену Петру Аркадьевичу был назначен Коковцев Владимир Николаевич, заместитель Столыпина. Герцог Лейхтенбергский очень осторожно отзывался о Коковцеве, во многих вопросах он не поддерживал премьера, но благоразумно помалкивал об этом. Хотя система жёсткой экономии, начатая Владимиром Николаевичем, давала свои результаты.

Но Стаси не могла осознать, что отца её подруги больше нет, что не войдёт она больше никогда в их дом, и Пётр Аркадьевич не встретит её на пороге, добродушно усмехаясь в усы. Его высокая мощная фигура растает в пучине памяти, а его дочь Олёчек больше не рассмеётся своим заразительным смехом. Порой Стаси доводила себя этими мыслями до полного отчаяния и тогда она сидела в своей комнате, отказываясь спускаться вниз.

– Я не могу делать вид, что всё хорошо, – говорила она Николеньке, что сидел с ней, когда Стаси, вся в красных пятнах от рыданий, обмахивала лицо веером.

Когда приехал Николай, ей стало намного легче. Она радовалась каждый раз, когда его высокая фигура появлялась на пороге её дома. И вместе с ней радовались все домочадцы, ведь при появлении Николая Стаси становилась похожа на себя прежнюю. Ксения Евгеньевна, познакомившись с юношей, одобрила выбор племянницы, оценила тактичность, воспитанность и галантность князя Чернышёва.

– Он просто не мог оказаться другим при благотворном влиянии Елизаветы Фёдоровны, – сказала она Марии Николаевне, когда они вместе смотрели в окно, как Стаси и Николай прогуливались по саду. Николай держал зонтик над головой Стаси, но сам зонтом не укрывался и холодные капли дождя стекали по его шляпе, по лицу, падали на плечи ольстера, тут же впитываясь в дорогую английскую ткань.

– Вы промокнете, – говорила Стаси. Она подняла руку и стряхнула влагу с его плеча. Её перчатка тут же намокла, она стянула её и, запрокинув голову, посмотрела на Николая. В его глазах светилась такая любовь и нежность, что она задохнулась на миг, и от счастья, и от беспричинной тревоги, словно кто-то или что-то угрожало её столь ослепительному счастью.

– Я люблю вас, – шепнул Николай, забрал у неё из рук перчатку, наклонился и поцеловал нежную белую ручку, которая так трогательно дрогнула в его ладони. Стаси хотела ответить, но глубокое волнение перехватило её горло и она только смотрела на Николая, стараясь улыбнуться. Но губы её дрожали и он видел это. Он всё понимал. С самого первого взгляда он понимал её, как никто другой. Николай улыбнулся, снова наклонился к Стаси и шепнул, указывая взглядом на окна дворца:

– За нами наблюдают.

Стаси хихикнула:

– Я была бы очень удивлена, если бы с каждого окна за нами не наблюдала пара любопытных глаз. А теперь, Ники, я предлагаю вам пойти в дом. Дождь, кажется, усиливается. Я не хочу, чтобы вы промокли и заболели.

– О, это была бы прекрасная перспектива. Я бы лежал в постели, а вы, как истинный ангел милосердия, приносили бы мне горячее питьё и меняли бы компрессы на моей пылающей голове.

– Я всё- таки предпочитаю, чтобы вы оставались здоровым. Мне не хочется терять ни дня из тех, что отпущены нам сейчас.

– Я просто счастлив провести с вами ещё несколько дней, прежде чем долг службы позовёт меня обратно в Москву, – сказал Николай, когда они медленно двинулись по песчаной дорожке к дому. Опавшие листья шуршали под ногами. Садовники не успевали их убирать, деревья облетали так стремительно, что в доме не хватало слуг, чтобы следить за чистотой парковых аллей. Среди жёлтой, серой, зелёной листвы ярко горели багряные листья клёна. Николай

посмотрел на них и сердце его дрогнуло. Он вспомнил деда, подумал о своём имении, пустовавшем сейчас без хозяина и резко повернулся к Стаси.

– Вы приедете ко мне в имение? – спросил он, с трепетом ожидая ответа, который вдруг показался ему чрезвычайно важным для всей его жизни.

– Конечно, приеду, – Стаси ответила с такой убеждённостью, что Николай понял, они и правда поедет за ним туда, куда нужно и не задаст ни одного лишнего вопроса. И его сердце исполнилось благодарностью не меньшей, чем его любовь.

– Я покажу дом, где я родился и вырос, где жили мои предки. Отца я не помню, матери не знаю…

– Как это грустно, – вырвалось у Стаси.

– Это ничего, – улыбнулся Николай, – У меня были прекрасные воспитатели и

учителя. Я всегда мечтал о такой большой семье, как у вас, Стаси, но мне дано нечто другое- дружба и покровительство великой княгини Елизаветы Фёдоровны.

– О, она и впрямь необыкновенная, – Стаси посмотрела на молодого человека, – Рядом с ней ощущается такое благоговение, словно в церкви.

– Да, я чувствую это каждый раз, когда разговариваю с ней. И ещё Господь щедро наградил меня, подарив встречу с вами, милая Стаси.

Щёки девушки залил нежный румянец и она опустила глаза.

– О, я смутил вас, – поспешно сказал Николай, любуясь прелестным личиком Стаси.

Дверь дома распахнулась и на пороге появилась высокая фигура Николеньки:

– Что же вы мокнете под дождём? Мама велела позвать вас, стол уже накрыт к обеду.

Стаси с улыбкой взглянула на Николая и поймала его ответную улыбку. Николай закрыл зонт и они зашли в дом.

2.

15 ноября 1911 года великой княжне Ольге исполнилось 16 лет. Празднества проходили в Ливадии и были приглашены все родственники, некоторые друзья, что жили неподалёку, и офицеры, служившие в местном гарнизоне.

Дворец, построенный для царской семьи, был один из самых красивых, что когда- либо доводилось видеть Стаси. Она была счастлива, что снова побывает там, увидит его совершенную красоту, погуляет по тропинкам, вьющимся между розовых кустов.

В Ялту они приплыли поздно вечером и после сырой петербургской погоды Стаси вернулась в лето. Тёплая южная ночь окружила их своим волшебным покрывалом. Их поселили

в прекрасной гостинице «Ялта» вместе с великой княгиней Елизаветой Фёдоровной и её сопровождающими.

На следующее утро их ждали коляски, чтобы доставить гостей в Ливадийский дворец. Елизавета Фёдоровна уехала гораздо раньше и Николая Стаси не увидела, но это никак не испортило её лучезарного настроения. Ярко светило солнце, пышно цвели розы, на полях зрел виноград. Стаси смотрела по сторонам, пытаясь запомнить, продлить этот прекрасный день. После гибели Петра Аркадьевича она в первый раз почувствовала себя настолько счастливой. Стаси полной грудью вдыхала тёплый южный воздух, напоённый ароматом цветов. Белое платье, которое она сегодня надела, необыкновенно шло ей, а взрослая причёска открывала изящную шею. Увидев Стаси, Наденька слегка надулась, ведь ей просто подвязали волосы лентой. Николенька, в блестящем военном мундире Преображенского полка, немного свысока поглядывал на сестёр и младших братьев, которые были очень возбуждены и, если бы не их няни, вели бы себя не лучше деревенских мальчишек, впервые попавших во дворец. Стаси с нежной улыбкой смотрела на брата. Только она знала его тайну, знала, что он был влюблён в великую княжну Татьяну. Поначалу он с восторгом рассказывал, как она прекрасно умеет слушать собеседника, отвечать только по делу и

молчать, когда это было нужно. Он ценил её приветливость, открытость и, конечно, не мог не оценить красоту и изящества её фигуры. При встрече с великой княжной он сильно смущался и порой не знал, что сказать, но Татьяна, в силу своей женской интуиции, всё понимала и улыбалась юноше своей прелестной, немного застенчивой улыбкой. Только дома, один на один с сестрой, которая, он был уверен, поймёт его, никогда не осудит и никому расскажет.

– Наверное, она считает меня тупицей, – говорил Николенька, хватаясь за голову, – Я за час прогулки с царевной и двух слов связать не смог.

– Конечно же, она не считает тебя тупицей, – мягко возразила Стаси, – Татьяна Николаевна знает тебя с самого детства и прекрасно осведомлена о твоём уме и образованности.

Стаси вспомнила этот эпизод, что случился полгода назад.

«Он прекрасен», – подумала она, любуясь высокой фигурой брата и правильными чертами лица. Она улыбнулась и поймала его ответную улыбку.

«Мы словно два заговорщика», – подумала Стаси. Ей было так хорошо, что хотелось петь, танцевать и обнимать весь мир.

Белый Ливадийский дворец был прекрасен. Его залы были украшены лентами и цветами, белыми, как платья царевен. Ольга, сияя улыбкой, встретила их на пороге. Николенька сразу подошёл к Татьяне, и старался держаться возле неё весь вечер. Лейхтенбергские преподнесли великой княжне Ольге золотую шкатулку для вышивания, украшенную изумрудами. Приглашённых было очень много, но глаза Стаси сразу нашли в этой разноцветной толпе Николая, который улыбался ей, не скрывая своей радости.

После праздничного обеда из большой столовой вынесли все столы и устроили танцы. Играл военный оркестр и под нежные звуки вальса Николай пригласил Стаси на танец. Это был один из самых прекрасных вечеров в жизни Стаси. Тихая южная ночь смотрела в распахнутые окна большой залы, не умолкая, играл оркестр, лакеи в красных ливреях разносили шампанское и лимонад в высоких хрустальных бокалах. Стаси выпила бокал шампанского, голова её сделалась лёгкой и невесомой и ей показалось, что если бы не сильные руки Николая, она бы взлетела и увидела с высоты птичьего полёта весь этот прекрасный цветущий край.

Государь Николай Александрович прошёлся в мазурке с именинницей, Николенька танцевал с Татьяной, великий князь Дмитрий Павлович со старшей дочерью принца Эрнеста, брата государыни. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна не танцевала, она в облачении

послушницы Марфо- Мариинского монастыря сидела в кресле рядом с царственной сестрой, у которой сегодня, к несчастью, болели ноги, но она улыбылась, глядя на танцующих.

Стаси показалось, что этот чудесный вечер закончился слишком быстро, ей хотелось танцевать снова и снова, ловить восхищённые взгляды офицеров и смотреть в любящие глаза своего жениха.

«Мой жених, мой жених», – думала она и её сердце пело от радости.

4.

Крым был прекрасен. Дорожки, по которым они с Николаем катались на лошадях, петляли мимо оливковых деревьев, шелковицы и столетних дубов. Стаси с восхищением разглядывала окрестности, пробовала белый виноград прямо с лозы, срывала солнечно- жёлтую алычу. Николай собирал ей букеты чудесных цветов, которые она бережно сохраняла среди страниц своего молитвенника. И они говорили, говорили, всё больше очаровываясь друг другом.

Но рано или поздно эта сказка должна была закончиться – Елизавете Фёдоровне необходимо было возвращаться в Москву, а вместе с ней и Николаю.

– Ваша история только начинается, – сказала Элла Николаю, грустному и поникшему, – И всё самое прекрасное впереди, никогда не забывайте об этом, Николя. Когда- нибудь вы введёте Анастасию Лейхтенбергскую в свой дом и пусть эти мысли поддержат вас в минуты разлуки. Тем более, эта разлука не будет долгой, наши поездки в Петербург будут случаться гораздо чаще, ведь нас ждёт празднование 300 -летия дома Романовых.

Николай и Стаси простились прекрасным тёплым утром в парке на территории гостиницы «Ялта».

– Я обязательно приеду, милая Стаси, – говорил Николай, – А пока буду писать вам каждый день.

– Я тоже, – кивнула Стаси, пряча глаза, чтобы Николай не увидел, что глаза её повлажнели. Но он заметил это и его голос стал проникновенно- нежен.

«Если что- нибудь с ним случится, я не смогу жить», – вдруг подумала Стаси, – «Потому что другого такого нет и не будет».

Николай уехал и Стаси проплакала несколько часов. Крым вдруг стал ей не мил и его краски поблекли. Николенька пытался, как мог, ободрить сестру, рассказывал ей смешные истории, которые слышал из уст офицеров местного гарнизона. Стаси поначалу слушала равнодушно, а потом начала смеяться. И Николенька смеялся вместе с ней. И сказка не закончилась, она продолжалась, ведь они с Николаем скоро увидятся и, вообще, Стаси очень не нравилось грустить.

Первое письмо от Николая Стаси получила уже по возвращению в Петербург, там же её ждало письмо от Олёчек. Письмо подруги было грустно, чернила расплылись и Стаси плакала, читая его. Письмо Николая было полно любви и нежных признаний.

«О, моя дорогая!», – писал он, – «На бумаге я могу выразить то, что на словах не смог вам сказать, хотя слова эти так и просились наружу. Я люблю вас, люблю, люблю! Вы моя сказка, мой самый прекрасный сон…»

Стаси, улыбаясь, прижала листок к груди, её щёки окрасил лёгкий румянец. Первым порывом её было написать ответ Николаю, но она подумала, что сначала ответит Олёчек.

5.

В Петербурге жизнь текла своим чередом. Герцог Лейхтенбергский с братом отбыли на службу, а их жёны и дети коротали зимние вечера в домашнем театре либо за игрой в карты.

С визитами в Царское Село они не ездили, императрица чувствовала себя неважно и, по предписанию доктора, редко

вставала. В дни, когда ей становилось лучше, она могла прислать коротенькую записку Марии Николаевне и та, моментально собравшись, уезжала с Ольгой Николаевной Лейхтенбергской вдвоём. Детей они не брали. Николеньку это огорчало, ведь это подолгу не видел великую княгиню Татьяну, разговаривать с которой было для него величайшим удовольствием. Ну, а Стаси это даже радовало, так как влияние старца Распутина при дворе очень усилилось. У Стаси по спине пробегала холодная дрожь, когда она встречала на себе взгляд «святого».

– Боже, – говорила она кузине Елене, – Я как вижу его, меня озноб берёт.

– Да, – согласилась Елена, – Я говорила мама, что мне неприятно находиться в его обществе, а она меня всегда одёргивала, словно я оскорбила члена императорской семьи. Она говорит, что он может вылечить молитвами, но когда он, в отсутствии папа, который не позволил бы ему переступить порог нашего дома, пришёл к нам, чтобы лечить Наталью, то даже не понял, что она вовсе не была больна.

– Как так? – воскликнула Стаси.

– Представляешь! – ответила чрезвычайно довольная произведённым эффектом Елена, – Наташа сказалась больной, чтобы не играть перед гостями на фортепиано, так как не выучила пьесу, что велела ей мама. И сделала вид, что ей ужасно плохо. Не поверишь, Стаси, она так хорошо сыграла больную, что никто не догадался, что она просто притворяется. Думаю, она сможет стать великой артисткой.

– И старец ничего не заподозрил?

– Абсолютно, – Елена решительно

замотала головой, – Он с таким серьёзным видом читал молитвы над постелью больной, что Наташа, как говорила после, едва удерживалась от смеха. Конечно, если бы обман вскрылся, ей бы пришлось несладко, но всё обошлось.

– А что Ольга Николаевна? – смеясь, спросила Стаси.

– Мама ещё больше уверовала в целительные силы Распутина, – Елена фыркнула.

Николенька долго смеялся над этой историей и, в конце концов, она стала известна практически всем, кроме Ольги Николаевны, которая продолжала обманываться по поводу святости Распутина.

6.

На рождественские праздники

Лейхтенбергские были приглашены в Николаевский дворец к дяде императора Николаю Николаевичу. Собрались практически все великие князья, приехал Александр Михайлович, Сандро, с семьёй; его брат Сергей Михайлович; Иоанн Константинович, сын Константина Константиновича, поэта, что писал под псевдонимом К. Р., с женой Еленой Сербской; брат царя великий князь Михаил Александрович и Дмитрий Павлович. Император с семьёй приехать не смог вследствии недомогания Александры Фёдоровны и Стаси была крайне удивлена, когда среди великих князей она услышала недоброжелательство по отношению к императрице. Особенно рьяно это выражала супруга великого князя Николая Николаевича Анастасия Черногорская.

Из комнаты, где собралась молодёжь, Стаси слышала обрывки разговора, доносившиеся с большой залы, несмотря на звуки фортепиано, за которым сидели Ирина Александровна, дочь Сандро, и великий князь Дмитрий Павлович. Они играли пьесы в четыре руки, вернее, играла Ирина, а Дмитрий больше мешал ей. Она шутливо хлопала его тонкими пальцами по запястью, а он смеялся. Смеялись и все, кто столпился возле инструмента и старались подпевать им. Стаси с кузеном Дмитрием и кузиной Еленой сидели на маленьком диванчике, рас-

сматривая фотоальбомы. Фотографией увлекались практически все. Николенька и Андрей, сын Сандро, не скрываясь, стояли в дверях, прислушиваясь к разговору взрослых. А разговоры там велись, на самом деле, чрезвычайно интересные. После общего

порицания Александры Фёдоровны перешли на обсуждение фигуры Распутина. Практически все великие князья высказали своё недовольство влиянием мужика на царскую семью. Анастасия Черногорская сокрушалась о нежелании императрицы удалить со двора Распутина.

– Но ведь это с вашей подачи, Анастасия Николаевна, Распутин был приглашён во дворец, разве не так? – раздался тихий голос до сих пор молчавшего великого князя Михаила Александровича. Все примолкли в ожидании ответа. Принцессу Черногорскую в императорской семье не любили, и осуждали их брак с Николаем Николаевичем. До этого брака она была замужем за герцогом Георгием Максимилиановичем, братом Николая Максимилиановича, деда Стаси. У них было двое детей, Сергей и Анна. Елену

они практически не знали, она жила в Крыму, редко наведываясь в Петербург. А Сергей Георгиевич учился в Петербурге во 2- м кадетском корпусе и иногда посещал Николая Николаевича Лейхтенбергского и его семью.

Разговор в соседней комнате затих, все выжидательно смотрели смотрели на Стану Черногорскую, ожидая ответа. Великий князь Николай Николаевич, который не собирался помогать своей супруге, тихонько ухмыльнулся в усы.

– В то время он вёл себя очень сдержанно и почтительно, – промолвила Стана, чувствуя себя крайне неловко, что было заметно, – И он на самом деле помогал наследнику и вы все знаете об этом, – она обвела взглядом присутствующих. По их лицам черногорская принцесса поняла, что в этой ситуации практически все поддерживают позицию великого князя Михаила и на её стороне от силы пара человек, которые сейчас благоразумно молчали, – Государыня совершила ошибку, приблизив старца к трону и позволив ему принимать решения, которые должен принимать только Государь. Вы знаете, какое влияние имеет Александра Фёдоровна на Императора.

– По сути, решения о назначении министров принимает Распутин, – загремел великий князь Николай Николаевич.

Все разом заговорили и в зале поднялся шум. Великий князь Михаил Александрович, поморщившись, прошёл в комнату, где веселилась молодёжь. Он послушал пьесы, что играл Дмитрий Павлович, с серьёзным и задумчивым видом. Великому князю было 33 года и он был красив и, вместе с тем, прост. Эта

простота его придавала ещё больше очарования его приятной внешности. Ходили слухи о тайном романе великого князя с женой его сослуживца. В городе не раз видели их вдвоём, о чём тут же докладывали Государю. Тот был крайне недоволен младшим братом и грозил ему ссылкой, если он не расстанется в госпожой Вульферт. Великий князь Михаил Александрович теперь очень редко появлялся во дворце, его не приглашали, дабы не впасть в немилость у императора. Но великий князь Николай Николаевич был из тех, кто не боялся гнева царственного племянника. И Михаил Александрович разделял взгляды своего грозного дядюшки. Спустя год великий князь отправится в изгнание за моргенический тайный брак в Вене и Стаси очень долго его не увидит. Но запомнит великого князя именно так- он стоит, оперевшись о фортепиано и с лёгкой улыбкой слушает пьесу, что играет великий князь Дмитрий Павлович. На этом вечере все заметили, что Дмитрий Павлович отдаёт предпочтение дочери Сандро Ирине. Он шутил с ней, приносил ей бисквиты и лимонад в запотевшем бокале. Великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Ксения Александровна, по видимому, не были против общения своей дочери с Дмитрием Павловичем. Ему было двадцать лет он был высок и красив, очень образован, окончил Офицерскую кавалерийскую школу, воспитывался в царской семье и был всячески обласкан своим двоюродным братом императором. Это могла

быть блестящая партия для Ирины, но поговаривали о возможной помолвке великого князя Дмитрия с великой

княжной Ольгой. Действительно, ветренного красавца часто видели со старшей дочерью императора, что породило массу слухов. Сам великий князь Дмитрий от неудобных вопросов уворачивался.

– Вряд ли Государыня позволит своей дочери заключить брак с великим князем Дмитрием, – говорила, понизив голос, Ксения Александровна, – Ей известно, насколько сильно он ненавидит Распутина.

– Но Государь Николай Александрович очень любит своего двоюродного брата и не позволит никому ущемить его в чём бы то не было, – задумчиво проговорил Иоанн Константинович, которого все называли Иоанчик.

– Пустое, – фыркнул великий князь Михаил Михайлович, брат Сандро, который приехал совсем недавно. Он

проживал в Великобритании и крайне редко появлялся в Петербурге, вследствии своего морганитического брака, – Николай Александрович сделает всё, что хочет его супруга.

Миш Миш, как звали его братья, без устали оправлял письмо за письмом на высочайшее имя с просьбой позволить ему вернуться в Россию, но Николай Александрович был непреклонен. Он признал брак великого князя законным и оставил ему титул, но позволения жить в России по- прежнему не давал. Но Миш- Миш не переставал надеяться на милость Государя и искренне полагал, что его отлучение скоро закончится. Не знал тогда Миш Миш, что ему так и не доведётся вернуться на родину, даже когда начнётся Первая Мировая война, император будет игнорировать прошения великого князя Михаила Михайловича.

Сергей Михайлович молчал. Он поддерживал остальных членов большой Романовской семьи в их общей неприязни к Распутину, но отвечал только тогда, когда обращались непосредственно к нему.

– Думаю, Распутин не простой сибирский мужик, – проговорил Сандро, – Он оружие в руках международных авантюристов, которые жаждут развалить Россию. Я крайне сожалею о гибели Столыпина, который был один из немногих, кто мог противостоять дерзкому мужику.

Все собравшиеся согласно закивали.

– Пётр Аркадьевич был поистине гениальным человеком, одним из немногих, кто смог бы сбросить мужика с его пьедестала, на который его вознесла недружественная рука, – сказал Миш Миш.

Все взоры обратились на Стану

Черногорскую и та, смутившись, отступила в тень.

Стаси и Николенька, сидевшие у двери, с любопытством прислушивались к этому разговору, переглядываясь между собой. Николенька ещё успевал наблюдать за великим князем Дмитрием и Ириной.

После праздничного обеда заиграл военный оркестр и Стаси прошла несколько туров с отцом, после с великим князем Михаилом и с Сергеем Михайловичем, который хорошо танцевал и сказал, что она, Стаси, очень выросла и повзрослела с тех пор, как он имел честь видеть её последний раз.

7.

Слухи о Распутине переполняли Петербург. Даже в письмах Николая были строчки о старце.

«Великая княгиня Елизавета Фёдоровна

сильно обеспокоена растущим влиянием Распутина. Она умоляет Государыню отослать мужика ввиду общего недовольства народа. Но Её Величество не прислушивается к словам сестры», – писал он.

Великие князья один за другим убеждали Николая Александровича повлиять на императрицу. Царь молча выслушал родственников и ничего не предпринял. Распутин остался у трона.

Разговоры о старце стали неотъемлимой частью любых собраний и вечеров, где бы они не проходили. Стаси это страшно надоело.

– Неужели больше нечего обсуждать, кроме как жизнь мужика? – спрашивала она у Николеньки.

– Понимаешь, Стаси, дело в том, что этот самый мужик не так прост. За ним стоят люди, которые не желают блага России.

Его вызывающее поведение вызывает только отторжение и я искренне не понимаю, отчего он, зная это, ведёт себя ещё более скверно. Кроме того, ты не можешь не видеть, что мало кто испытывает искренне теплые чувства к императрице.

– Да, – кивнула Стаси, – И я не понимаю, почему. Александра Фёдоровна очень добрая и заботливая. Помнишь, когда мы катались с горки в Царском Селе, а ты въехал прямиком в дерево.

Николенька расхохотался:

– Это было очень весело. Помнишь, как смеялась Татьяна?

– Знаю, ты сделал это, чтобы повеселить великую княжну, но Государыня тогда очень испугалась.

– И весь оставшийся вечер я провёл, лёжа на диване в гостиной царского дворца с холодным компрессом на голове. Который мне меняла Татьяна по личному указанию Государыни.

– Что и было твоей целью, верно?

– Не совсем. Я не думал, что Александра Фёдоровна не разрешит мне вставать весь оставшийся вечер и даже пригласит ко мне своего личного врача.

– Евгений Сергеевич относится к своим обязанностям крайне серьёзно и был очень добр ко мне, хотя и понял, что пострадал я гораздо меньше, чем показал.

– Я про это и говорю, Николя. Они все такие милые и добрые. И я не совсем понимаю неприязнь к Государыне среди некоторых членов императорской семьи. Мне иногда кажется она очень какой-то несчастной, словно ей плохо здесь.

– Мы мало знаем, – вздохнул Николенька, – Татьяна рассказывала мне, что Александра Фёдоровна очень

впечатлительная. Она любит русский народ, но не умеет показать это. Хотя, помнишь, в Крыму, когда Государыня бывала в лазарете, все подходили к ней, чтобы получить из её рук благословение. Я видел, настолько её там все любят и каждый раз счастливы её появлением.

– Думаешь, Распутин и правда имеет влияние на Государыню?

– Думаю, да. Он очень помогает цесаревичу и это главное. Я заметил, что даже его молчаливое присутствие благотворно влияют на Государыню. Если бы он только удовольствовался таким положением и не лез в политику, даже разговоров бы о нём не было. Его бы даже не заметили. Может, он и правда орудие в чужих руках, как утверждает великий князь Александр Михайлович.

Стаси соглашалась с братом, тем более что Николай Чернышёв в своих письмах

писал ей практически то же самое. Великая княгиня всё больше и больше была обеспокоена растущим влиянием мужика, но, к сожалению, ничего сделать не могла, хоть и взывали к ней члены императорской фамилии, просили о помощи.

Но эта тема не была главной в письмах Николая. Его пламенные строчки, что он писал ей, зажигали ответный огонь в сердце Стаси и ей страстно хотелось увидеть его, вновь коснуться его руки, услышать его голос. Он ни разу не осмелился поцеловать её и ей очень хотелось узнать, какого это, когда тебя целует влюблённый юноша. Она никому не рассказывала о своих мыслях, о своих переживаниях и в какой- то мере даже стеснялась их.

8

Весь Петербург готовился к празднованию 300- летия дома Романовых. В феврале 1913 года вся царская семья переехала из Царского Села в Зимний дворец, а Петербург был переполнен приезжими. Елизавета Фёдоровна приехала со своим двором, в числе которых был Николай. Они тоже поселились в Зимнем дворце и первое, что сделал Николай сразу после того, как его вещи принесли в комнату, предназначенную для него, взял лошадь и поехал к Лейхтенбергским. Когда он неожиданно появился на пороге, всё семейство всполошилось. Стаси, отчаянно скучавшая в своей комнате, зевала, перелистывая страницы какого-то романа, когда в комнату влетела Варвара, камеристка Марии Николаевны.

– Анастасия Николаевна, спускайтесь вниз, матушка зовёт.

– В чём дело, Варя? – нехотя спросила Стаси, поднимаясь со стула. Она чувствовала какую-то апатию, не хотелось ничего делать. Мельком Стаси взглянула в зеркало на своё отражение, встряхнула золотистыми локонами и показала себе язык. Это немного развеселило её и большие синие глаза засияли по- прежнему.

«Воскресни, Стаси, тебе не идёт печаль», – подумала она и в гораздо более приподнятом настроении спустилась вниз.

– В гостиную, Анастасия Николаевна, – сказала Варвара, провожая молодую госпожу до дверей. Стаси, подозрительно посмотрев на улыбающуюся горничную, открыла дверь, вошла и тут же замерла на пороге. Навстречу ей шагнул Николай. Его взгляд светился всё той же любовью и нежностью. Куда делась вся её апатия, вся её скука? Разве они существовали на свете? Разве что-то могло существовать на свете, кроме любви и радости? Она улыбнулась от души, протянула Николаю руку, к которой тот прижался губами.

Этим же вечером Лейхтенбергские официально объявили о помолвке своей дочери Анастасии и князя Николая Чернышёва. Решили провести бал в честь этого события в апреле, когда соберуться все гости из большого семейства Лейхтенбергских.

К праздникам для Марии Николаевны и её дочерей сшили русские наряды с кокошниками разных цветов и утром 21 февраля Лейхтенбергские отправились в Зимний дворец, заполненный гостями и различными делегациями. В Николаевском зале Стаси увидела

Николая, который стоял чуть позади великой княгини Елизаветы Фёдоровны, которая была в монашеском костюме. На Николае был военный камзол, расшитый серебрянной нитью и галуном. Он издали отвесил поклон Стаси и она на миг пожалела, что не может сейчас подойти к нему. Она видела восхищение в его взгляде, послала ответную улыбку и обратила свой взгляд на дверь, через которую должны были войти император с семьёй. Когда они вошли, вдох восхищения пронёсся над залом. Императрица была очень красива в голубом платье с Андреевской лентой, а Государь сиял улыбкой и приветственно улыбался собравшимся. Стаси почувствовала, как рядом с ней дрогнул Николенька. Конечно, он увидел Татьяну. Ближе к вечеру Стаси почувствовала, что устала и незаметно переминалась с ноги на ногу. Делегации шли одна за другой, поздравляли царя и его семью. Стаси не понимала, как императрица, бледная от напряжения, ещё держится на ногах. Она ни взглядом, ни словом не выдала своей усталости, любезно отвечала всем и улыбка не сходила с её лица. В какой-то момент Стаси потеряла из вида Николая, толпа народу скрыла их друг от друга.

Празднества продолжались месяц, после император с семьёй отправились в путешествие по России. Список городов, которые они намеревались посетить, был довольно обширен и братья Лейхтенбергские, Николай и Григорий, отправились с ними.

Праздничный вечер, посвящённый помолвке Стаси и Николая должен был состояться сразу после возвращения Николая Николаевича. Николай временно отбыл в Москву с великой

княгиней Елизаветой Фёдоровной, а Мария Николаевна занялась свадебными хлопотами. Стаси заказали новые платья и она примеряла одно за другим, путаясь в ворохах ткани. Они с мама тщательно подбирали цвета и ткани, заказывали ленты, золотую тесьму, приглашения и составляли список гостей.

– Николя сирота, – заботливо говорила Мария Николаевна, перебирая в пальцах тончайшее кружево ручной работы, – Поэтому нам придётся позаботиться обо всём. С его стороны список приглашённых невелик, несколько друзей и только. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна написала, что приедет в Петербург, а после мы все вместе отправимся в Москву, где посетим имение Николая.

Стаси слушала и её сердце пело от радости. Тем более, что Олёчек

сообщила, что приедет с мама на помолвку лучшей подруги. Они не виделись два года. Столыпины постоянно жили в Колноберже, практически не выезжая оттуда. Ольга Борисовна и сейчас не хотела ехать в Петербург, но Олёчек так умоляла мать, что ей ничего не оставалось, кроме как согласиться. Дочери Петра Аркадьевича подрастали и нужно было их выводить в свет. Разве, сидя дома, они смогут найти хорошего жениха? Теперь все житейские вопросы, что решал отец семейства, легли на хрупкие плечи Ольги Борисовны и той, волей неволей, приходилось самой справляться с ними.

Мария Николаевна забронировала номера в гостинице для тех, кто приедет издалека.

– Мы не можем поселить всех у нас дома, – говорила она, разводя руками, – Моих братьев четверо и у всех семьи, жёны, а Лейхтенбергских и того больше. Принцесса Баденская приехать не сможет в силу своего возраста и состояния здоровья, но Максимилиан обещался быть. Евгения Максимилиановна тоже не сможет приехать, но она прислала очень милое письмо. Будет её сын Пётр Александрович с Ольгой Александровной, Александр Георгиевич, сын почившего в прошлом году Георгия Максимилиановича, – Мария Николаевна вздохнула и перекрестилась, – Список у меня получился внушительный и пора рассылать приглашения, чтобы все успели ответить. Кроме того, не нужно забывать про друзей, соседей, – герцогиня задумалась, – Написать Юсуповым.

Стаси пожала плечиками:

– Матушка, поступайте, как считаете

нужным. Просто наша помолвка в тихом семейном кругу превращается в массовое гуляние.

Герцогиня рассмеялась:

– Да, ты права, дорогая. Прочь все эти нескончаемые списки! Давай просто проведём этот день в тихом семейном кругу, – и она демонстративно разорвала лист бумаги, исписанный её мелким аккуратным почерком и, смеясь, подбросила его вверх.

10.

Помолвка состоялась 21 апреля 1913 года. Дом Лейхтенбергских, ярко освещённый, благоухал цветами. Николай со своими друзьями Сергеем Мезенцевым, Михаилом Сумароковым и Александром Половцевым приехали ещё два дня назад. Они поселились в Сергиевском дворце, принадлежащем великой княгине Елизавете Фёдоровне. Этот дворец был завещан великому князю Дмитрию Павловичу, но сам он появлялся здесь крайне редко, поэтому дворец часто пустовал. Сама Елизавета Фёдоровна, к её большому огорчению, приехать на помолвку воспитанника её покойного мужа не смогла и передала через Николая поздравления и подарки. Стаси получила от великой княгини бриллиантовую диадему в подарок, одну из немногих драгоценностей, что та оставила у себя. Стаси была очень тронута и тут же написала благодарственное письмо великой княгине, полное любви и признательности. Николай преподнёс своей невесте золотую шкатулку, в которой хранились драгоценности, принадлежавшие его бабушке-великолепное колье с рубинами, золотой

браслет с алмазными подвесками и кольцо, украшенное аметистом. У каждой этой драгоценности была своя история, которую Николай рассказал своей невесте.

Его бабушка Мария Владимировна, которой принадлежали эти драгоценности, была единственной дочерью Владимира Павловича Титова, писателя и дипломата, и Елены Ириневны Хрептович, фрейлины. Владимир Павлович был председателем археологической комиссии и вследствии частых поездок в страны востока, привозил жене самые изысканные украшения, которые после перешли её дочери. По завещанию Марии Владимировны её внук, Николай Львович, должен подарить их своей невесте в день своей помолвки. Остальные драгоценности, что остались в сейфе Льва Александровича, молодая жена Николая получает сразу после венчания.

– Такова воля деда, – сказал Николай, глядя в сияющие глаза Стаси.

– Мне так жаль, что я не успела познакомиться с ним.

– Вы бы ему понравились, не сомневаюсь, – с нежностью в голосе сказал Николай, – Ему нравилось всё, что я любил и люблю.

Николай умолчал, что он сам за неделю до приезда в Петербург составил завещание, в котором передавал всё своё имущество Анастасии Николаевне Лейхтенбергской, 1895 г. р. Он и сам не смог бы ответить на вопрос, почему сделал это, но он так решил и точка.

Вечер, посвящённый их помолвке с Николаем, Стаси не забудет никогда. Никогда ещё так ярко не горели свечи.

Несмотря на то, что дом был освещён электрическими лампочками, по всему дому расставили золочёные канделябры, как дань старым традициям. Никогда ещё Стаси не танцевала с таким упоением. Никогда ещё не была так счастлива. Им с Николаем подарили столько подарков, что коробками и пакетами была завалена вся комната.

– Вы должны прийти завтра и помочь разобрать подарки, – смеялась Стаси, когда они с Николаем кружились в вальсе.

– Я обязательно приду, – улыбался в ответ Николай, – Я буду приходить каждый день, пока нахожусь в Петербурге. Оттого, что я просто не могу не видеть вас. Оттого, что я люблю вас больше всего на свете. Оттого, что теперь и отныне только в вас заключён для меня весь мир.

– О, – прошептала Стаси, пряча порозовевшее лицо на груди своего жениха.

Князь и княгиня Лейхтенбергские, стоя в кругу родственников, любовались на красивую пару, кружившуюся по залу.

– Что, у Николая Львовича совсем никого из родни не осталось? – спрашивала Ольга Александровна Ольденбургская, супруга дяди Николая Николаевича. Детей у них не было и она с восторгом и умилением смотрела на детей своих родственников.

– Нет, никого, – ответила Мария Николаевна, – Есть какие-то очень дальние родственники где-то на Кавказе, но сношений они не имеют, суровый князь Лев Александрович не поддерживал ни с кем из них отношений.

– А крёстный или крёстная? – продолжала любопытствовать Ольга

Александровна.

– Крёстным был покойный великий князь Сергей Александрович и ещё кто-то из близких к князю Чернышёву людей, но они уже почили.

Ольга Александровна вздохнула:

– Как это печально, быть совсем одному.

– Милая Ольга, – вступил в разговор князь Николай Лейхтенбергский, – Теперь наш Николай не один, он член нашей семьи. Кроме того, великая княгиня Елизавета Фёдоровна принимает в его судьбе самое живое участие.

– Слышал, великая княгиня совсем удалилась от дел? – спросил брат Марии Николаевны Николай Николаевич. Все три брата княгини Лейхтенбергской были в военной форме, их жёны, двоих из которых звали одинаково Мария Николаевна, одна Оболенская, жена Николая, вторая Безак, жена Александра

и Софья Ивановна Всеволожская, супруга Михаила. Их дети, которые достигли совершеннолетия, танцевали, а младшие бегали по залу, играя с воздушными разноцветными шарами. Они порой мешали танцующим, но никто не сердился на малолетних озорников, все улыбались их встревоженным родителям. Мария Николаевна, заметив это, увела озорников в большую столовую, где уже накрывали столы к праздничному обеду и детей вдоволь накормили бисквитами и мороженым со свежими фруктами и шоколадом.

– Нет, дорогой Ники, Елизавета Фёдоровна всё так же активно занимается делами, – ответил шурину герцог Лейхтенбергский, – Даже, как мне кажется, ещё больше с тех пор, как удалилась в Марфо- Мариинскую обитель.

– Она святая, – вздохнула Мария Луиза, супруга Максимилиана Баденского. Её дочь, Мария Александра, 11 лет, не знавшая ни слова по- русски, поначалу жалась к матери, но после, увлёкшись игрой в шары, убежала в круг детей, которыми заправлял её брат Бертольд, активный 9- летний мальчик, смешно мешающий русские и немецкие слова. Именно по детям, присутствующим на сегодняшнем торжестве, можно было легко увидеть, сколь обширны были родственные связи – слышалась немецкая, французская, английская речь. Русский язык знали практически все, исключая некоторых детей, родившихся и живших в Европе.

Стаси и Николай, танцевавшие в центре зала, ничего этого просто не замечали, они были слишком поглощены друг другом.

– Ах, как они влюблены, – с умилением сказала Ольга Борисовна Столыпина, наблюдая за танцующими. На её большие голубые глаза навернулись слёзы, что случалось всякий раз, когда она думала о покойном муже.

– О, моя дорогая! – воскликнула Ольга Николаевна Лейхтенбергская, – Мы всей душой сопереживали вам. Поверьте, это огромная потеря не только для вас, но для всех вас и всей страны.

Ольга Борисовна благодарно кивнула, вытирая глаза кружевным платочком.

– Ваша дочь прелестна, – сказала Мария Николаевна, подходя к дамам.

– Спасибо, – Ольга Борисовна улыбнулась, – А я не могу налюбоваться на Стаси. Когда я в последний раз её видела, она была ребёнком. А теперь мы собрались в вашем чудном доме в день её помолвки, с чем я вас искренне

поздравляю.

Мария Николаевна и Ольга Борисовна обменялись коротким быстрым поцелуем в знак признательности друг к другу.

Олёчек танцевала с Дмитрием Лейхтенбергским, а Стаси, глядя на подругу, ловила её ответную улыбку. Она была очень рада видеть её если не счастливой, то хотя бы улыбающейся. Их встреча была очень трогательной. Девушки не виделись два года и многое поменялось за это время. Они с волнением сжимали друг другу руки и не могли наговориться. Николенька и Митя сразу же окружили Олёчек таким вниманием, что она не могла не почувствовать себя, словно в кругу семьи. Поначалу скованная, она постепенно расслабилась и танцевала так легко и изящно, что кавалеры оспаривали своё право танцевать с ней следующий танец. Стаси

была счастлива за подругу, за себя, счастлива видеть вокруг дорогие ей любимые лица. Позже, уже в разлуке с Николаем, она снова и снова мысленно возвращалась в этот день и воспоминания то вызывали у неё счастливую улыбку, то больно кололи в самое сердце. Больше они не собирались вместе всем большим семейством. Рядом остался только Георгий Николаевич с семьёй.

После помолвки Лейхтенбергские- Николай и Георгий с семьями отправились в Москву, чтобы посетить имение Чернышёвых. Стаси уговорила Ольгу Борисовну отпустить Олёчек с ней и та уступила, понимая, что 18- летней девушке пора выходить в свет, а в семье Лейхтенбергких за неё можно было не беспокоиться. Ольга Борисовна отбыла к старшей дочери Марии фон Бок, а Лейхтенбергские сели в московский

поезд. Николай уехал неделей раньше, чтобы подготовить дом к встрече дорогих гостей.

Стаси очень волновалась и всю поездку то и дело выглядывала в окно, мечтая только об одном, чтобы они скорее подъехали к вокзалу и она увидела Николая, встречающего их на перроне. Только разговоры с Олёчек отвлекали её от томительного ожидания. В имении Николая с многоговорящим названием «Клёны» было всё так, как он и рассказывал. Раскидистые пышные клёны мягко затеняли широкие аллеи, по которым так приятно было кататься верхом. И они катались все вместе, радуясь прекрасному тёплому лету и солнечным дням.

Сергей Мезенцев ухаживал за Еленой Лейхтенбергской, уже не скрывая своего увлечения, а Елена благосклонно

принимала его ухаживания. Её родители наблюдали со стороны за красивой парой, но Сергей вёл себя очень почтительно и скромно, не давая поводов для волнения. Николай показывал Стаси свои владения, они много гуляли пешком, любуясь окрестностями. Стаси нравилось здесь, нравилось чувствовать близость Николая, его тёплую крепкую руку, о которую она опиралась. Нравилось, когда Николай переносил её на руках через небольшую речушку. Они сидели на берегу и Николай восторженно рисовал картины их будущей безоблачной жизни. У Стаси от его слов кружилась голова, которую она склоняла на его плечо и чувствовала жар его дыхания, нежность рук и теплоту пока ещё робких поцелуев.

Время остановилось и Стаси мечтала, чтобы никогда не заканчивался

благодатный 1913 год.

Но грозные перемены уже надвигались и не было такой силы, чтобы остановить их.

Николай.

1.

В конце августа 1911 года Николай Чернышёв и Сергей Мезенцев сопровождали Владимира Фёдоровича Джунковского и Александра Дмитриевича Самарина в Бородино на открытие памятника Героям Павловского полка, защищавшим Утицкий курган. На кургане Раевского была отслужена панихида в честь павших воинов. Николай стоял между Сергеем Мезенцевым и Алексеем Константиновичем Варжницким, местным представителем дворянства и смотрел в ясно- голубое чистое небо. На его глаза

наворачивались слёзы, настолько ясно он представлял себе подвиг героев, зазищавших этот курган. Он будто бы видел солдат Раевского, сооружавших земляные укрепления на курганной высоте, видел, как пехота французов раз за разом атакует и русские солдаты, уже вступившие в рукопашный бой, смогли остановить неприятеля. Позже батарея Раевского получила от французов название «могила французской кавалерии». Мало кто из солдат генерала Раевского пережил этот день- из десяти тысяч осталось семьсот человек. Сам генерал, невзирая на ранение, не оставил своих солдат и был с ними в самые тяжёлые часы Бородинской битвы.

«Он был в Смоленске щит,

В Париже меч России», – произнёс Владимир Фёдорович слова, что были

увековечены на могиле генерала Раевского.

«Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю», – после писал генерал- фельдмаршал Михаил Голе-

нищев- Кутузов о том дне. Именно после Бородинского сражения миф о непобедимости Наполеона был развеян.

Ближе к вечеру состоялось открытие памятника Героям- павловцам. На торжественную церемонию прибыли Лейб- гвардии Павловский полк, 10- й Малороссийский полк, 9- й Сибирский полк и делегация от Лейб- гвардии Санкт-Петербургского полка. Был отслужен молебен и взорам всех

присутствующих открылся барельеф с именами героев. Один из родственников генерала Николая Тучкова, получившего в тот день смертельную рану, стоял, опустив голову и Николай заметил следы слёз на его щеках.

Пятый польский корпус князя Юзефа Понятовского споткнулся о Утицкий курган, где расположились русские гренадёры. Девять батальонов 16- й дивизии атаковали Утицкий курган, за ними шла 18- я польская дивизия, а им противостояли всего 6 батальонов русских солдат. В помощь Николаю Тучкову прибыла бригада Якова Вадковского 17- й пехотной дивизии.

Штыковая атака Понятовского оказалась неудачной и поляки были отброшены от кургана. К русским гренадёрам прибыло подкрепление и раненого генерала Тучкова сменил генерал Карл Багговут.

Николай подумал, как бы он сам мог вести себя, оказавшись в подобных условиях. Он, выросший в мире и благополучии, не знал лишений и тяжёлых испытаний. Во время Русско-японской войны он был слишком юн, хотя в его голове возникали мысли о возможности уехать в действующую армию. Но великий князь Сергей Александрович настрого запретил ему даже думать об этом. И Николай честно выполнил слово, данное ему. Хотя мысли о великом боевом будущем будоражили его душу.

По окончании открытия памятника Джунковский произнёс речь и на этом торжество закончилось.

Николай после торжественной церемонии получил от Джунковского уеазание следить за исполнением поручений от Елизаветы Фёдоровны по

строительству и благоустройству лечебниц во всей Московской губернии.

– У меня просто не хватает времени следить за всем, -говорил Владимир Фёдорович, протягивая Николаю бумаги, – Здесь список больниц, которые необходимо посетить. Возьмите Мезенцева и можете отобрать несколько человек из личного состава Московского полка. Соответствующее распоряжение я уже отправил полковнику Верховскому. Он поможет отобрать помощников.

– Разве вы вдвоём с Мезенцевым не справимся? – немного наивно спросил Николай.

Джунковский с улыбкой посмотрел на молодого человека:

– Разумеется, справитесь. С вашим пылом и усердием, с каким вы служите, это несомненно. Но я вас уверяю, с помощниками всё будет гораздо проще и

быстрее. Этот список, – он указал на бумаги, что держал в руке, – Очень большой. И в особенно отдалённых местах вам будет необходима помощь военных, поверьте мне, я знаю.

Николай кивнул. Он понял, они чём говорит Владимир Фёдорович.

– Ваши поездки будет курировать лично великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Деньги, что будут нужны, я выписал. Распоряжайтесь ими по собственному усмотрению. Если вы посчитаете нужным направить в лечебницу средства для ремонта или привлечения персонала, сообщайте мне лично. Вам будут предоставлены три автомобиля и шофёры за счёт московского правительства, -Джунковский задумался, – Что ещё? В поездке вас будет сопровождать Самарин Александр Дмитриевич, вы с ним знакомы лично и очень давно.

Николай снова кивнул. Владимир Фёдорович с симпатией посмотрел на стоящего перед ним молодого человека:

– Думаю, Николай Львович, вы отлично справитесь со своими обязанностями. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна очень настаивала на вашей кандидатуре и я поддерживаю её, зная ваше усердие и умение ладить с людьми.

Он протянул руку князю Чернышёву и тот пожал её.

– Благодарю вас, Владимир Фёдорович, я сделаю всё, что в моих силах.

– В этом я не сомневаюсь, -Джунковский проводил молодого князя до дверей кабинета и распорядился подать ему автомобиль.

2.

Николай в тот же день встретился с Сергеем Мезенцевым и они вместе

отправились в главный штаб Лейб- гвардии Московского полка на встречу с полковником Верховским.

Сергей Иванович Верховский встретил их в штабе Московского военного округа, который располагался у здания Александровского военного училища. Он сразу перешёл к делу, как человек, который не любил тратить время на пустые разговоры.

– Пройдёмте со мной, господа, – полковник провёл их в комнату, где занимались несколько военных. Они сидели за партами и что-то старательно писали в школьных тетрадях.

Сергей Иванович улыбнулся и его суровое лицо вдруг стало добродушным и весёлым.

– У нас тут урок по русскому языку, – пояснил он, улыбаясь в усы.

– Разве кому-то нужно изучать русский язык, господин полковник? – спросил Сергей, заглядывая через его плечо в класс.

– Поверьте, сударь, нужно, – Верховский снова улыбнулся. Как оказалось, во многих дворянских семьях и по сию пору говорят и пишут по- французски. Государь Николай Александрович, посещая наш полк, велел обучать солдат не только военному делу, но и знанию родного языка. Негоже русскому солдату отвечать Государю на ломаном русском.

Когда они вошли в класс, военные тут же поднялись, как один, и их учитель в форме капитана тоже поднялся.

– Алексей Владимирович, – обратился полковник к капитану, – Будете сопровождать князя Чернышёва и графа Мезенцева в их поездке по губернии по личному повелению губернатора

Джунковского. Возьмите с собой ещё четверых солдат на ваше усмотрение.

– Слушаюсь, Ваше Высокоблагородие!

Капитан Сосновский не стал медлить и как только полковник Верховский ушёл, тут же одного за другим вызвал солдат.

– Иван Колпин, Александр Шульц, Дмитрий Морозов, Константин Мальков.

Один за одним подходили солдаты и Николай с Сергеем с любопытством смотрели в молодые красивые лица, в которых явно читалась радость от предстоящей поездки. Николай счёл нужным предупредить их, что эта поездка не будет увеселительной. Вспоминая прошлое посещение больниц и лазаретов, Чернышёв понимал, что это поручение будет тяжёлым, если не физически, то морально однозначно. Он велел собраться завтра в 9 утра у Николаевского дворца и они с Сергеем

направились в Марфо- Мариинскую обитель для встречи с Елизаветой Фёдоровной.

Элла приняла их в своей келье, оборудованный под личный кабинет, где она продолжала работать. Перед ней лежала стопка бумаг, которые она просматривала. Особливо лежали письма, ждущие ответа. На самом верхнем Николай признал подчерк императрицы. Увидев входящих к ней молодых людей, великая княгиня поднялась, обняла их одного за другим и перекрестила.

– Слышала, – сказала она со своей обычной ласковой улыбкой, – О том поручении, что было возложено на вас губернатором Джунковским и уверена, что вы оправдаете его доверие. Не знаю более дисциплинированных и усердных юношей, чем вы.

– Благодарим, Ваше Высочество, – в один голос ответили Николай и Сергей, поклонившись.

– Я уже не Высочество, – мягко ответила Элла, – Пусть будет сестра Елизавета.

– Я не посмею, – пробормотал Сергей.

Елизавета Фёдоровна ободряюще посмотрела на молодого человека:

– Привыкните, Серёжа.

Впервые она обратилась к юноше так и Сергей почувствовал то, о чём долгое время говорил ему Николай- в присутствии великой княгини, в её ласковом голосе есть Божественная сила. Наверное, именно так смотрел и говорил Иисус со своими апостолами и всеми, кто следовал за ним.

– Прошу вас, – продолжила Элла, – Составить для меня письменный отчёт по итогам вашей комиссии, потому как данный вопрос меня очень интересует.

Возьмите, – она подошла к столу, вытащила из ящика два образка на золотых цепочках и вложила их в руки молодых людей.

– Пресвятая Дева Мария поможет вам и защитит на вашем пути, – она снова перекрестила Николая и Сергея и отпустила их. Николай, что вышел первым, тут же повесил образок на шею и спрятал его под рубашку. Обернувшись, увидел, что Сергей сделал то же самое. Николай ощупал в кармане своего мундира медальон, подаренный ему Стаси и вынул его. Смаргивая набежавшие вдруг слёзы, он посмотрел на дорогой его сердцу образ. В медальон была вставлена маленькая фотография Стаси, золотые локоны, прекрасные синие глаза, лёгкая улыбка трогала ещё по- детски пустые губы. Ему захотелось поцеловать милый образ, но присутствие

Сергея остановило молодого князя.

Вечером, в бывшем рабочем кабинете Елизаветы Фёдоровны, он написал длинное письмо Стаси, а утром, когда они с Сергеем садились в автомобили, что прислали за ними, ему доставили письмо из Петербурга.

– О, письмо от твоей милой Стаси? – с улыбкой спросил Мезенцев.

Николай улыбнулся в ответ и спрятал письмо на груди.

3.

Александр Дмитриевич Самарин присоединился к ним по дороге. Губернский предводитель дворянства был довольно весел, хоть им и предстяла тяжёлая поездка. Было видно, что Самарину подобные инспекции не в новинку, он был директором Богородского попечительского общества

о тюрьмах. По дороге он рассказал молодым людям о последней инспекции тюрем и лечебниц для заключённых, обозначил нарушения, которые нужно сразу выявлять и за которые должны понести наказание лица, по чьей вине эти нарушения были допущены. Николай и Сергей слушали внимательно, Николай записывал основные моменты в свой блокнотик, а Сергей полагался на собственную память.

Александр Дмитриевич был очень деятельным человеком. В свои 45 лет он казался по-юношески пылким и любознательным. Было видно, что его очень увлекает общественная деятельность. Он один воспитывал троих детей, Юрия 9 лет, Елизавету 8 лет и Сергея 6 лет. Жена Александра Дмитриевича Вера Саввишна, дочь мецената Саввы Мамонтова, умерла в

1907 году от пневмонии сразу после рождения сына Сергея. В память о своей супруге Самарин построил Троицкий храм в селе Аверкиево. Об этом Александр Дмитриевич не рассказывал, но всё вокруг знали трагическую судьбу Веруши Мамонтовой, с которой художник

Серов написал картину «Девочка с персиками». Эта картина висела в доме Самариных и, как говорил Александр Дмитриевич, дети каждый раз показывали на неё и говорили, что мама всегда с ними.

Инспекция заняла довольно продолжительное время, в некоторых местах приходилось задерживаться на несколько дней, чтобы перепроверить все документы о расходовании средств, выделяемых Московским правительством. О всех нарушениях Самарин записывал в толстенную

тетрадь и смотрел на провинившихся так сурово, что под его тяжёлым взглядом практически все опускали глаза или молили о прощении, если их вина была неоспорима. Николай, присутствовавший на подобных беседах, каждый раз удивлялся тому, как живой и добродушный губернский представитель становился твёрд и суров. Сам Николай вместе с Сергеем разговаривали с врачами и к ним Николай испытывал искреннюю симпатию, зная, какое нелёгкое бремя они несут. По вечерам он писал Стаси, стараясь уклониться от описаний страданий больных тифом, которых они видели и о нищих, просящих милостыню у ворот лечебниц. Молодые люди старались дать каждому по монете, дабы хоть немного облегчить их тяжёлую судьбу, но Самарин в таких случаях был непреклонен.

– Так можно спустить всё своё состояние, – говорил он, – Они не возьмут хлеба семье на эти деньги, они всё пропьют. Это бич нашей деревни. Много тех, кто работает на земле, не покладая рук, но есть и такие, что живут на милостыню. Хотя у всех есть возможность работать.

Впрочем, он понимал молодых людей, сам когда – то не мог без душевных терзаний видеть нищего, тянувшего дрожащую руку за блестящей монетой. Несмотря на предупреждение Самарина, Николай продолжал исподтишка раздавать деньги, пока они не закончились.

– Дорогой князь, – усмехнулся Александр Дмитриевич, – Вы хоть оставили себе что-то на собственное пропитание?

– Я не потратил ничего из той суммы, что нам выписал господин Джунковский, – скромно ответил Николай, – Кроме того,

у меня есть банкноты, которые я припрятал на подобный случай.

– Очень предусмотрительно, – одобрительно кивнул Самарин.

– Просто, Александр Дмитриевич, такое уже случалось, когда Ники раздал все свои деньги и даже золотые часы, – весело сказал Сергей.

– А потом великая княгиня Елизавета Фёдоровна ссудила мне сумму, достаточную для моих нужд, – закончил Николай, улыбаясь, – Она поистине святая.

Все присутствующие согласились с ним.

В Сергиево- Елизаветинском убежище, основанном по инициативе Елизаветы Фёдоровны и за средства великого князя Сергея Александровича в 1906 году, инспекция задержалась на неделю. В селе Всехсвятском их поселили в Малом доме, где жили доктора и учителя,

преподававшие детям- сиротам ремесленные науки. Николай делил комнату с Сергеем, а Самарин с капитаном Сосновским. Солдаты, сопровождающие инспекторов, жили вчетвером. Все комнаты были обустроены просто и без изысков, но в них было самое необходимое. Окружал здания Сергиево- Елизаветинского убежища парк, в котором были разбиты клумбы с цветами. Кроме того, неподалёку находилось Александровское убежище для престарелых воинов русско- турецкой войны и Александровский приют для офицеров.

Так как была необходимость проверить все три учреждения, было решено остановиться здесь не менее чем на неделю. Проверять счета было делом долгим и утомительным. Всем, кто жил в убежище, и учился ремёслам,

выплачивалась заработная плата. Все счета и квитанции о продаже изделий, что мзготовлялись инвалидами, содержавшимися в убежище, составляли толстенную папку, которую

нужно было тщательно просмотреть и пересчитать. Николай и Сергей сидели в канцелярии и переписывали цифры- складывали, вычитали, заносили в свою тетрадь результаты.

– У меня уже спина ноет, – жаловался Сергей, вставая и потягиваясь, с хрустом разминая затёкшие плечи. На нём была одна рубашка и тонкие полотняные брюки. Он подошёл к окну, опёрся о подоконник ладонями и с жадностью вдохнул свежий воздух.

– Сегодня будет жарко, – сказал он, глядя в сад, – Десять утра, а уже дышать нечем. Николя, мы здесь помрём, сидя целый день за этими счетами.

– Не помрём, – отозвался Николай, доставая очередную бумагу, – Нужно закончить работу. Чем быстрее сделаем, тем скорее освободимся.

– Чем быстрее сделаем, тем больше нам другой работы навалят.

Николай поднял глаза на друга:

– Серёжа, ты сегодня не в духе что- то. Если хочешь, сходи в парк, прогуляйся, а я просмотрю все счета.

Сергею стало неловко. Он быстро прошёл через комнату и снова сел за большой стол, заваленный бумагами:

– Ну уж нет. Я не позволю тебе делать всё это одному.

Николай тихонько усмехнулся и опустил голову.

4.

На следующий день Самарин взял Сергея с собой в Алексеевское убежище, а

Николай продолжил работать в кабинете. В помощники ему оставилм капитана Сосновского. Алексею Владимировичу было 33 года, вид у него был довольно серьёзный, хотя он и умел весело посмеяться над какой-то шуткой. Солдаты любили своего командира, слушались его беспрекословно и он отвечал им взаимностью, выслушивал каждого и делал всё, от него зависящее, чтобы у его солдат было всё необходимое во время инспекции. Четверо пехотинцев были все, как на подбор, высокие, светловолосые, похожие на былинных богатырей из русских сказок.

– Вы, капитан, их по одному образцу подбирали? – улыбаясь, спрашивал Самарин.

– Так совпало, – пожимал в ответ плечами Сосновский, – С виду они немного похожи, но по сути такие

разные. Колпин весёлый и умный, Шульц молчаливый и исполнительный, Морозов очень быстро соображает, а Мальков отличный солдат, один из лучших в полку.

– И все они берут уроки по русскому языку. Но я, право, не заметил что им требуются подобные уроки.

Капитан Сосновский приосанился:

– Если бы вы, Ваше Благородие, слышали их полгода назад, вы бы очень удивились такому прогрессу. До своего совершеннолетия большинство из тех, кто ходит на уроки, жили за границей и не очень хорошо говорили на родном языке. Но быстро всему научились.

Капитан Сосновский с энтузиазмом взялся вместо Сергея за бумажную работу. Было видно, что она не была ему в новинку. За пару часов они сделали отчёт по всем документам, сверили

цифры расходов и доходов и, удовлетворённые собой, направились в столовую, чтобы выпить чаю. Алексей Владимирович Сосновский, как узнал Николай, был из дворянской семьи, владеющей несколькими деревнями в Саратовской губернии. Он закончил военное училище в Саратове и поступил на службу в Московский 65- й пехотный полк, где получил звание капитана в довольно юном возрасте за смелость и решительность во время усмирения массовых забастовок в Москве в 1905 году. Тогда Московскому полку сменили дислокацию и направили из Люблинской губернии в Москву.

Капитан Сосновский прекрасно знал историю полка и с удовольствием и гордостью рассказывал Николаю о его героических страницах. При Аустерлице Московский полк сдерживал атаки

французов, потеряв много солдат и нескольких офицеров. После героического сражения при Прейсиш- Эйлау, Гейльсберге и Фридланде. В боях у Бородино Московский полк находился в эпицентре сражения и отбили несколько атак французской армии.

– Очень много тогда полегло наших воинов, – рассказывал капитан и глаза его блестели, словно он лично участвовал в Бородинском сражении, – Вторая гренадёрская рота, защищая Багратоновы флеши, была уничтожена почти полностью. Великой кровью досталась слава нашему полку. А в 1814 году при нападении французов на Бриенн- Шато, именно наш полк выбил французов. Именно тогда Государь Император Николай I наградил полк новыми знаменами с Александровскими юбилейными лентами.

Николай кивнул, а Сосновский, вдохновлённый его вниманием, продолжил:

– Во время Крымской войны Московский полк в течении четырёх месяцев героически удерживал оборону Севастополя и атаковал Федюхины ворота. За героизм и мужество были пожалованы Георгиевские знамёна. Наш полк один из лучших в империи, это я вам точно говорю, князь, – в голосе капитана отчётливо звучала гордость, – Шеф нашего полка Государь Император Николай Александрович, а наследник Алексей Николаевич записан к нам ещё при рождении.

– Капитан, – ответил Николай, – Если в вашем полку все, как вы, питают такую любовь к нему, то это, без сомнения, лучший полк в империи.

– Так и есть, Николай Львович, так и

есть, – важно кивнул Сосновский.

В ожидании Самарина и Мезенцева Николай и капитан Сосновский вышли в парк.

– Я скоро женюсь, дорогой князь, -доверительно сказал Сосновский, когда молодые люди сели на скамейку у пруда, которая уютно расположилась в тени огромного дуба, заботливо раскинувшего свои могучие ветви над головой, пряча отдыхающих от солнца.

Николай даже вздрогнул, настолько слова капитана затронули его собственные мысли. Он думал о Стаси, он всегда думал о ней. Где бы он не находился, её невидимое присутствие озаряло светом каждую минуту его жизни.

– Вы женитесь? – переспросил Николай.

– Да, – улыбнулся Сосновский, – И я хочу пригласить вас и графа Мезенцева на

венчание. Обязательно приезжайте, князь.

– Я приеду, – откликнулся Николай, – И уверен, что Сергей тоже. Расскажите же мне о вашей невесте.

Капитан Сосновский покраснел от удовольствия.

– О, моя Аннушка прекрасная девушка, добрая, умная, красивая. Мы знакомы с самого детства, потому что жили по соседству в Саратове. Аннушка из хорошей семьи, кроме того, за ней дают хорошее приданое. Но не это главное, – быстро добавил капитан, – Не подумайте, что я женюсь из-за денег, я действительно люблю Аннушку.

– Я понимаю, – кивнул Николай, переводя взгляд на прозрачную воду пруда. Ему вдруг страстно захотелось увидеть Стаси, услышать её нежный голос, сказать всё то, что он не смел сказать при встрече, но что сквозило в каждой строчке его письма. Капитан Сосновский что-то говорил о своей невесте, Николай пытался слышать его, но мысли о любимой настолько заполнили всё его существо, что слова Алексея Владимировича шли как будто сквозь него. Он слушал, но не слышал. Был здесь, но по сути, был со Стаси.

5.

Инспекция лечебниц заняла месяц. Чернышёв и Мезенцев не без сожаления распрощались с капитаном Сосновским и его солдатами и дали ему клятвенное обещание, что в ноябре непременно приедут в Саратов на свадьбу Алексея и его Аннушки.

Николай и Сергей, после того, как отчитались о выполнении поручения, возложенного на них губернатором

Джунковским, уехали в имение Чернышёва, где решили провести неделю, чтобы отдохнуть и, наконец, выспаться.

Рано утром, 2 сентября, в доме князя Чернышёва зазвонил телефон. Павел Алексеевич Ефимов, который уже не спал, взял трубку в кабинете Николая и, услышаы новость, тут же побежал будить князя. Николай, спавший очень чутко, тут же открыл глаза, когда в его постучали. На улице только начинало светать и спальню осветили первые лучи солнца.

– Заходите, – сказал он, а в мыслях промелькнула мысль, что что-то случилось.

Вошёл управляющий:

– Николай Львович, вам губернатор Джунковский звонил.

– В чём дело? – нервно спросил Николай,

– Он вам объяснил, Павел Алексеевич?

– В Столыпина стреляли.

– Что? – Николай подскочил на месте, – Он жив?

– Я ничего не знаю, Николай Львович, – управляющий развёл руками, – Владимир Фёдорович сказал мне, чтобы я уведомил вас и отключился.

– Мезенцев встал?

– Сергей Иванович ещё спит, я полагаю.

– Надо возвращаться в Москву, – Николай одевался с лихорадочной поспешностью, – Боже, какие ужасные новости! Надеюсь, с Петром Аркадьевичем всё будет в порядке.

Через два часа Николай Чернышёв и Сергей Мезенцев были в Москве. Джунковский, как оказалось, уже выехал в Киев, где произошло покушение и молодые люди направились к Самарину, который им рассказал

подробности покушения. Они отправили Петру Аркадьевичу телеграмму с соболезнованиями, а потом пошли на молебен о здравии премьер- министра. Народу в церкви было очень много и искренняя печаль читалась на лицах молящихся. Николай пребывал в полной растерянности. Столыпин, казавшийся таким мощным и непобедимым, никак не мог умереть. Не могло быть на свете силы, способной сдвинуть премьер- министра с пути, начертанного для него Господом Богом. И как сейчас чувствует себя Стаси? Она ведь дружит с Ольгой, дочерью Столыпина и очень близка к его семье. О, Господи! Что же будет?

Столыпин скончался 5 сентября. Это известие потрясло всех, кто искренне верил в его полное выздоровление. Вести из Киева приходили очень противоречивые, но всё знали, что Петру

Аркадьевичу стало легче, что врачи верили в благополучный исход.

Елизавета Фёдоровна молилась все эти тяжёлые дни и, когда Николай и Сергей посетили её, она была бледна, а глаза красны.

– Будем надеяться, друзья мои, будем надеяться, – повторяла она, пытаясь подбодрить молодых людей.

– Такой необыкновенный человек не может умереть, – сказал Сергей, когда они возвращались в Николаевский дворец. Его голос немного дрожал и он был очень серьёзен, настолько, что Николай не узнавал своего весёлого неунывающего друга.

После известия о смерти премьер- министра Николай опустился н диван и уронил голову на руки, не в силах сдержать слёзы.

«Что же сейчас будет? Кто займёт место

железного премьера? Человека, не жалеющего себя ради общего блага, человека, не боящегося врагов, пережившего несколько покушений и одного из немногих, кто говорил Государю только правду. Человека, открыто выступившего против Распутина и с полным спокойствием встречавшего все неприятности и недоброжелательство врагов.

На похороны Столыпина Николай и Сергей поехать не смогли, они остались возле Елизаветы Фёдоровны, поддерживая её. Николаю показалось, что она так же тяжело перенесла гибель Петра Аркадьевича, как и убийство своего супруга, великого князя Сергея Александровича.

6.

Владимир Фёдорович Джунковский, что вернулся с похорон 13 сентября, отдал приказ полиции:

<<5 сентября от ран, нанесенных рукою убийцы, скончался Председатель Совета Министров статс-секретарь Петр Аркадьевич Столыпин. Чувствами глубочайшей скорби и острого негодования отозвалась Россия на весть о предательском нападении на почившего. В течение нескольких дней мысль всех русских людей была прикована к Киеву, где медленно угасал верный бесстрашный слуга Престола и Родины. Бесконечно тяжело было сознавать, что темные силы, враждующие с Русским государством, вновь стремятся поставить преграды творческой работе правительства, направленной к лучшему строению нанародной жизни. Скорбные чувства всего русского общества, конечно, разделяют и чины полицейских

учреждений Московской губернии. Но рядом со скорбью в сознании их должно подниматься и другое чувство – обязанности, налагаемой на них печальным событием.

Первейший долг полиции – стоять на страже государственного порядка, отстаивая его всеми силами своего ума и воли. Не легка эта обязанность, и немало верных сынов России пало жертвами бесстрашной борьбы с крамолой. Но никакие угрозы и беды не могли поколебать их в исполнении долга верноподданнической присяги. И ныне безвременная смерть главы правительства высоким примером своим может только укрепить дух отваги в среде полицейских чинов.

П. А. Столыпин как герой относился все время к мучительным страданиям. Сильный духом патриотизма, он в

предсмертные минуты думал прежде всего о нашем возлюбленном Государе, которому верой и правдой прослужил всю свою жизнь. «Счастлив умереть за царя», – произнес он, чувствуя приближение кончины.

Будем же, следуя его доблестному примеру, бесстрашно бороться с врагами Престола, какие бы опасности ни возникали на пути исполнения нашего долга. Нам хорошо памятно, как, по убеждению почившего, все лица, облеченные властью, должны относиться к разрушителям государственного порядка. Пускай же слова его: «Не запутаете» будут всегда нашим крепким девизом в служебной деятельности. Подлое убийство, совершенное в Киеве, свидетельствует, что крамольные силы вновь приступили к своей разрушительной работе. Но они встретят

дружный отпор со стороны тех, на ком лежит первейшая обязанность открыть эти силы и содействовать их уничтожению. К вам, чины уездной полиции, как к старшим, так и младшим, обращаюсь я с призывом – с особой энергией нести теперь свою службу. Зорко следить за тем, что происходит во вверенных вам районах, дабы предатели-убийцы не могли наносить свои удары верным слугам царя и России».

Николай тем временем понимал, что его присутствие просто необходимо Стаси и он испросил разрешения у Владимира Фёдоровича отбыть в Петербург, на что Джунковский ответил согласием, дав молодому князю неделю.

7.

В Санкт-Петербурге Николай остановился во дворце, принадлежавшим Елизавете Фёдоровне и тут же направился к Лейхтенбергским. В их доме он вдруг почувствовал себя так, словно после долгого путешествия, наконец, пришёл домой. Его окружили любовью и заботой. Стаси, поначалу грустившая из-за последних событий, постепенно воспряла духом и улыбалась молодому князю своей доверчивой улыбкой. Николай жалел только о том, что его поездка в Петербург была такой недолгой и он не успел насладиться обществом Стаси, её ласковой добротой, так напомнившую ему благостную доброту Эллы, её живостью и радостью. Несмотря на печальные события, предшествующие их встречи, счастье от общения с любимой затмило весь остальной мир. Николенька, умный и целеустремлённый молодой человек, который учился в военном училище, был

очень расстроен гибелью Петра Аркадьевича, но, оберегая чувства сестры, не говорил об этом. И Стаси, замечая это, благодарно улыбалась брату.

Когда Николаю пришло время уезжать, она с той же ласковой улыбкой провожала молодого князя, протянув на прощание для поцелуя свою маленькую белую ручку. И ощущение от прикосновения к этой прелестной ручке Николай бережно сохранил в своём сердце.

На вокзале его встречал Сергей Мезенцев. Он внимательно посмотрел на друга, когда тот вышел из вагона:

– Ну что, ты женишься? – с ходу спросил он.

– Здравствуй, Сергей, – ответил Николай, усмехаясь, – Я тоже рад тебя видеть.

Друзья обнялись.

– И всё- таки? – снова спросил Сергей, когда они сели в автомобиль.

– Пока нет. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что, когда ты женишься, то уедешь в Петербург, поступишь на службу к Государю, а я так и останусь здесь выполнять поручения Джунковского.

Николай рассмеялся:

– Да, я понял тебя, друг мой. Ну, во- первых, так скоро эта свадьба, которой ты опасаешься, не состоится, хотя мне очень хочется этого. Стаси только исполнилось семнадцать и она ещё так юна. Ну, а во -вторых, мы будем жить в моём доме, так что из Москвы я точно не уеду. А теперь расскажи, друг мой, что произошло в Москве за то время, что меня не было.

– Всё, как обычно, – вздохнул Сергей, —

Джунковский отбыл в Петербург на заседание Государственной Думы по вопросу убийства Столыпина. Должен вернуться на днях. Мы с Самариным в его отсутствие провели инспекцию по тюрьмам, беседовали с некоторыми революционерами и пытались понять, что же всё-таки они пытались добиться террором.

– И что же? – заинтересованно спросил Николай.

– Знаешь, что удивительно, друг мой? Что большинство из них на самом деле не понимают, что хотят. Они идут за своими лмдерами, не зная, куда и зачем. Когда я спрашивал у них, каковы их истинные цели, многие смотрели на меня непонимающими глазами и мямлили-«Так главный сказал „или“ Так надо для общего блага». А что такое это пресловутое общее благо, объяснить

не могут. Борются против одного строя, не понимая, какой должен быть другой. Как можно выходить на баррикады с идеей, смысла которой не понимаешь. Жертвовать собой нужно только ради той идеи, которой горишь всем сердцем, разве не так, друг мой?

– Истинно так, – ответил Николай, кивая в знак согласия, – Террор не может привести к тому общему благу, о котором они грезят. Террор может привести только к новому террору, а вследствии к разрушению и хаосу.

– Вот и я так думаю. И пытался поговорить с некоторыми заключёнными о их убеждениях. Но для них я враг, просто по факту, что я родился в богатой дворянской семье. Это уже

меня ставит крайне невыгодное положение в их глазах. Значит, у меня не может быть целей, убеждений и желаний этого

пресловутого общего блага, смысла которого никто не понимает. Это всё общие слова, лозунги: «Хлеб рабочим, землю крестьянам». Никто мне не обьяснил, почему массовые убийства лучше, чем реформы, проводимые тем же Столыпиным. Помнишь нашу поездку с ним по деревням?

– Конечно! Те крестьяне, что хотели землю, получили её и просто работали. Занимались своим делом, не участвуя ни в каких митингах. За пару лет отстроили себе новые дома, отправили детей учится в хорошие школы и благоденствуют в созданном своими руками раю.

– Пётр Аркадьевич столько ещё мог сделать для России, – промолвил Сергей с грустью в голосе, – Как в семье Лейхтенбергких приняли эту ужасную новость?

– Так же, как мы, с великой скорбью и

печалью. Николай Николаевич уезжал на похороны в Киев и рассказывал, сколько людей приехало проститься с министром и все были очень опечалены его трагической кончиной. Подруга Стаси Ольга Столыпина писала ей, что им очень тяжело без Петра Аркадьевича, но она благодарна всем, кто др сих пор присылает письма и телеграммы с соболезнованиями.

– Это великая утрата, – вздохнул Сергей, – Я бы хотел написать им, насколько сильно опечален.

– Напиши. Слова ободрения и поддержки придадут новых сил семье покойного премьера.

– Обязательно напишу. Поехали к нам, Ники. Матушка приготовила тебе комнату, велела передать, что ты непременно должен приехать.

– Конечно, поедем, – воскликнул

растроганный Николай, – Но сначала я хочу нанести визит Елизавете Фёдоровне.

8.

В большом доме Мезенцевых было, как обычно, шумно, весело и многолюдно. Николай познакомился со старшими братьями Сергея, Константином и Петром, которые приехали на побывку на несколько дней. Константином приехал с женой Софьей, а Пётр, которому уже исполнилось 30 лет, женится пока не собирался.

– Какая женитьба, – мрачно говорил он, – Когда в воздухе пахнет войной.

Все над ним посмеялись, а Николай задумался. Было в его словах что-то пророческое.

Собрались все в имении Мезенцевых по одной причине- праздновали помолвку Анны Мезенцевой с Василием, сыном графа Андрея Морозова, что жил по соседству. Анна была очень счастлива, летала по дому, словно птичка. Младшая сестра Екатерина исподлобья наблюдала за ней.

– Не будь такой серьёзной, Кэти, – говорила ей Анна, смеясь, – Лучше обрати внимание на Ивана. Ты ему нравишься, судя по взглядам, что он кидает на тебя.

Иван был младшим братом Василия и у них было ещё три сестры- Ирина, Мария и Александра. С Ириной, старшей из трёх сестёр, Николай подружился сразу. Чем- то она вдруг напомнила ему Стаси и сердце его болезненно дёрнулось. Ирина была смешлива и беззаботна, её голубые глаза с любопытством смотрели на всех, не останавливаясь ни на ком конкретно. Но на Николае её взгляд задержался. Высокий аристократично- красивый молодой князь понравился Ирине сразу.

– Можешь даже не смотреть в его сторону, – шепнула ей Анна, – Он влюблён и думаю, вскорости объявит о своей помолвке.

– И что с того? – Ирина дёрнула обнажённым плечиком, – Даже если бы был уже женат, что с того? Он достаточно хорош, чтобы не упускать его.

И она принялась за дело. Чаще старалась оставаться оставаться с Николаем наедине, просила застегнуть замочек от браслета, принести ей чай, поднять кружевной платочек или перчатку упавшую на пол. Николай, прямой и бесхитростный, любезно отзывался на все её просьбы, не понимая их сути.

Но когда Морозовы уехали домой, облегчённо вздохнул. Он, наконец, мог закончил письмо Стаси, которое начал писать ещё несколько дней назад. Как только он брался за письмо, словно

ниоткуда появлялась Ирина Морозова и принималась щебетать, словно птичка. Ему нравилась Ирина, но любил он другую и это было неизменно. Но почему- то он ничего не написал Стаси про Ирину даже не упомянул её имя, хотя о всех остальных рассказал. Николай не хотел, чтобы между нам и Стаси была какая-то недосказанность, а с другой стороны рассказывать- то было нечего. Но напряжение, охватывающее Николая при встрече с Ириной, развеялось, как дым, когда Морозовы уехали.

«Какое-то наваждение», – подумал Николай и забыл о Ирине Морозовой. Но ненадолго.

Новый год Николай встретил у Мезенцевых, после чего всё молодое поколение Мезенцевых и Морозовых уехали в имение Чернышёва. Народу в

доме стало столько, что управляющий Павел Алексеевич нанял ещё несколько человек, чтобы работать на кухне и помогать по дому. Николай в те дни ни минуты не мог остаться наедине. Ирина Морозова со своей сестрой Марией повсюду следовали за ним, нахваливали его дом, парк и всю округу. Николаю было приятно их восхищение, даже если оно шло не от чистого сердца.

– Я смотрю, ты всерьёз решил приударить за Ириной? – съязвил Сергей, улучив минутку, когда его друг остался один.

– О, нет, – воскликнул Николай, очень уязвлённый этим замечанием Сергея, – Ты, как никто, знаешь, что в моей жизни существует только одна…

– Не знаю, – перебил его Сергей, – Вы с Ириной не расстаётесь ни на миг. Все вокруг уже заметили это.

Николай ужаснулся. Неужели его ничего не значащая болтовня производит именно такое впечатление на окружающих? И Николай начал избегать всеми силами общество Ирины или оставался с ней только в присутствии её сестёр и сестёр Мезенцева.

– Вы меня избегаете, князь? – голос Ирины донёсся до Николая, когда он седлал лошадь ранним утром, чтобы отправится на прогулку в одиночестве.

– Доброе утро, Ирина Андреевна, – не дрогнув, отозвался Николай, – Я просто хотел заехать в деревню.

– Позольте мне с вами, – Ирина кокетливо положила руку в перчатке на его запястье. На ней была короткая белая шубка, а голубые глаза весело блестели из- под меховой шапочки.

– Я никак не могу вам запретить этого, Ирина Андреевна, – сдержанно ответил Николай.

Но Ирина будто бы не заметила его сдержанности, она обворожительно улыбалась молодому князю, не убирая руки. Потом повела плечиком:

– Сегодня холодно, Николай Львович. Может, лучше выпьем чаю в библиотеке? Я страшно голодна, накормите же свою гостью.

Её красивое лицо было так близко от него, розовые губы раскрылись, большие голубые глаза заволокло дымкой, движения стали томными и медленными. И Николай сдался. Он, не говоря ни слова, отдал поводья дежурившему неподалёку конюху и, предложив руку Ирине, пошёл с ней к дому. Он чувствовал какой-то сумбур в голове. Конечно, в жизни Николая были женщины, о которых он забыл, как только увидел Стаси. В ней не было ещё той женственности и обольстительности,

которой так филигранно пользовалась Ирина Морозова, она была юна и не умела притворяться и за это Николай ценил её ещё больше.

В начале января открылось губернское собрание под председательством Александра Дмитриевича Самарина и гости разъехались, а Николай с Сергеем вернулись на службу. Решались деловые вопросы о благоустройстве московских улиц и домов. Но, кроме того, возник вопрос о Распутине, который был замечен в неблаговидных действиях и кутежах в ресторанах и кабаках. Газетам было запрещено печатать материалы о старце и в этом увидели нарушение закона о свободе печати. Всё больше и больше стало разноситься слухов о жизни императорской семьи и их отношениям с Рапутиным. Джунковский с горечью

говорил, что некоторые люди, близкие к царской семье, сами позволяют себе высказывать неуважение к императору, что недопустимо.

– Я полагаю, что Михаил Владимирович (Родзянко), как председатель Думы, должен твёрдо и решительно пресечь разговоры, порочащие честь Императора, – говорил он.

Николай был абсолютно согласен с ним. Фигура императора была для него столь высока и непогрешима, что он искренне не понимал, как можно говорить столь неуважительные речи. Конечно, нельзя было не признать, что Распутин имеет влияние на императрицу Александру Федоровну, но это никак не могло сказаться на самой фигуре императора, как главы Государства Российского.

Елизавета Фёдоровна, которая одна из первых забеспокоилась из-за близости

Распутина к сестре, продолжала свои увещевания, надеясь, что Аликс, наконец, прислушается к её словам. Александра Фёдоровна всё дальше отдалялась от сестры, что не могло не расстраивать Эллу. Но она никогда не позволяла себе быть нетактичной по отношению к семье императора. Она не позволяла себе быть нетактичной к кому бы то не было.

9.

Николай и Сергей сопровождали губернатора Джунковского на вокзал, чтобы встретить герцога Иоганна Альберта Мекленбург- Шверинского и его супругу принцессу Елизавету Штольберг- Россла. Герцог Иоанн был регентом Брауншвейгского герцогства и выступал за расширение колониальных прав Германии в Африке. Мекленбург-

Шверинские прибыли, чтобы осмотреть Троице- Сергиеву лавру, где отслужили молебен. С виду и не скажешь, что это столь высокопоставленные лица, настолько они были просты в общении и внимательны ко всем, кто сопровождал их. Герцогиня Елизавета с большой любезностью расспрашивала Николая и Сергея о их жизни. Ей ещё не было тридцати лет, она была хороша собой, весела и нежно смотрела на своего супруга, который отвечал ей такими же любящими взглядами. Они поженились недавно. Для герцога это был второй брак, его первая жена, тоже Елизавета, умерла пять лет назад. Николай и Сергей сопровождали герцога и герцогиню до дома Джунковского, где состоялся приветственный обед и после обеда Макленбург-Шверинские отбыли в Петербург.

Как всегда, весной начинались инспекции по больницам и тюрьмам. В этот раз инспекцию возглавил министр юстиции Иван Григорьевич Щегловитов, который специально для этой цели приехал из Петербурга. Ивана Григорьевича считали жёстким и хладнокровным политиком, хотя по сути своей он был добродушен и разговорчив. Его острый взгляд подмечал любую неточность и небрежность в судебных бумагах и, не меняя добродушного выражения лица, отправлял их в канцелярию на переделку. Но в целом, инспекцией Щегловитов остался удовлетворён.

В конце мая в Москву приехали Государь Николай Александрович с Государыней, цесаревичем и великими княжнами. Вместе с ним приехала вдовствующая императрица Мария

Фёдоровна. В ночь перед приездом царственных особ Николай практически не спал. Он написал длинное письмо Стаси, хотя до последнего надеялся, что Лейхтенбергские тоже приедут, но герцога Николая Николаевича задержали дела на службе, а Мария Николаевна наотрез отказалась уезжать без мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.